

Сергей Тигранович Темурьянц

Родился я в Сухуми. Жил я в несчастливой семье, отец у меня умер рано, когда мне было 9 месяцев. Я его не знал. Нас было пятеро детей, и я был пятый по счету. Когда мне было 8 лет, мама меня отдала в детдом. И меня и брата, который потом погиб на фронте. Детдом для меня дал хорошее воспитание для меня лично и, если бы не детдом, я не стал бы музыкантом. Там проверили мои способности и нашли, что я способный мальчик и дали мне трубу, я играл на трубе.

А в 14 лет меня взяли на конкурс как трубача, в Тбилиси это было, в Грузии. Я на конкурсе занял первое место. И премировали тогда – только вышли первые часы кировские, это было в 1937 году. А мы так плохо жили! Перед конкурсом мы прошли медицинский осмотр и выяснили, что из-за плохого питания я получил проблему с сердцем, оно у меня останавливалось. Не хотели, чтобы я играл на конкурсе, а мой директор – он у нас был грек Димессиади Одиссей Ахиллесович – никогда его не забуду. Он отстоял мое выступление, за честь города Сухуми, и мне разрешили выступить. А после выступления – труба у меня была казенная – отобрали у меня трубу. Как вы считаете, это правильно? После такого успеха отобрать трубу?

Директор Одиссей Ахиллесович мне сказал: «Не переживай, мы тебе новую профессию подберем». Мы вернулись в Сухуми, где меня очень хорошо встретили после победы на конкурсе. А потом директор Димессиади вызвал мою сестру и сказал: «Ваш брат Сережа – очень способный человек, он получил первую премию на конкурсе и так далее. Но ему нельзя продолжать играть на трубе, он больной, у него сердце больное. Я предлагаю ему играть на виолончели – это струнный инструмент.» Вызвали педагога по виолончели, (он в другом классе занимался) к нам с Одиссеем Ахиллесовичем. Мой учитель по виолончели Левинсон был хорошим, откуда-то из ваших краев приехал в Сухуми, молодой был, красивый, женился там и остался. Там море, фрукты, все, что хотите. И я начал играть на виолончели, это и плюс и минус. Ведь трубу отобрали – а я не готов был к таким сюрпризам.

Левинсон Самуил Маркович назначил мне день и час, когда прийти к нему на урок. Я пришел и мне дали несколько виолончелей – чтобы подобрать по росту и так далее. Я начал учиться. В конце учебного года я должен был отчитываться за первый курс музыкального училища. И когда

я играл, выступил первый раз на виолончели, слух пошел по городу: «Сергей Темурьянц будет играть на виолончели. Пойдемте послушаем». Все уже знали мои успехи, такой хороший сбор был. Я сыграл две пьесы, как «кровожадно» они слушали (смеется) мое выступление. В общем, хорошие аплодисменты я получил. И я продолжил учиться на виолончели, и дело пошло. Я стал концерттировать. И стал заслуженным артистом. Это не так просто, но меня оценили. Мне было 18 лет, когда я закончил музыкальное училище с оценкой «5 +». И после этого я остался без дела, а для меня это самоубийство. Ну, может, я преувеличиваю... Я привык быть при деле, а дела больше не было. Закончил, принес диплом домой, маме отдал. А когда я получил за первое место кировские часы, то моя сестра взяла их, пошла на базар и продала там за 250 рублей, купила мешок муки и мне сорочку. И пришла домой, такая веселая, радостная, что у нас есть еда. А у меня была сорочка. А потом брата взяли на фронт, он защищал Москву.

У меня брата призвали, он попал на фронт. И я решил пойти в военкомат потребовать, чтобы меня отправили на фронт воевать, добровольно пошел. И взяли меня в армию тут же. Я рассчитывал, что попаду к брату, а меня отправили на Кубань. Привезли нас на станцию Индюк. Автоматы нам дали в дороге, и в дороге же нас учили стрелять. Мы же неподготовленные совсем были. Там нас высадили, и оттуда мы пошли пешком. Первая станица была Апшеронская. А перед ней река идет, по горло. И мы по 10-12 ребят ее вместе переходили. Зима, неописуемый холод, а река беспокойная, сильная. И вот мы держимся, чтобы нас не унесло. Переправились и 110 километров пешком дальше шли».

Краснодар освобождал... После Краснодара нам солдатам действительно дали отдых. Местные люди нас хорошо приняли, встречали нас с цветами, когда мы вошли в Краснодар. 10 дней мы отдыхали, люди нас приглашали к себе домой, мы у них ночевали, они подкармливали нас.

После Краснодара первая станица Крымская. Совсем недавно, если читали в газете, там было наводнение. Из нее нас отправили на Новороссийск. Есть там такая станица Неберджаевская, она была в 18 километрах от Новороссийска. А там нас спасли «Катюши», там нас они выручили, и мы выжили.. 21 июля (дело шло к лету) 1942 го года. Сколько мне досталось – только Бог знает! Но мы патриоты своей Родины и должны были ее спасать.

Был приказ захватить Новороссийск, а перед этим, что было, просто страшно. Мы сидели в окопах. Какие там дожди льют! Как из ведра. Мы 16 суток сидели в траншее, невозможно голову поднять, как стреляли...

Прошли мы там полкилометра, и немцы открыли по нам страшный огонь. Сказать вам? Минимум человек 300 легли сразу... Оказывается, были пулеметные точки, и когда мы шли вперед, они открыли огонь. Наше командование дало приказ, все эти точки уничтожить. И вот на это я попал. Я был простой солдат, у меня никакого звания не было. В моем отделении осталось 8 человек вместе со мной, хотя до атаки было нас 12. Командира отделения убило, и назначили командовать меня. Дали приказ, пулеметную точку уничтожить. Сказать это легко...

Мы поползли к ней, долго ползли, и подползли вкруговую. Когда приблизились метров на 20, я сказал приготовить гранаты и ждать моей команды. Там уже было слышно немецкий разговор, панический у них был разговор. Я первый поднялся с гранатой и бросил ее. Ребята забросили гранаты вслед за мной. Когда я бросал вторую, то меня ранило в левую руку. Он стрелял в меня, а попал в руку, поэтому я живой остался.

Ночью я остался в траншее. Все раненые там один на другом. Две девушки подошли с носилками, спросили, что со мной? Я говорю у меня рука, стоять не могу даже на ногах. Они меня взяли на носилки и вдвоем вынесли меня из траншеи. Приняли меня в полевой госпиталь. Я лежу на операционном столе, подошел ко мне подполковник медицинской службы. Посмотрел мою руку и дал приказ: «Произвести ампутацию!» Я сказал, что на ампутацию ни за что не соглашусь, потому что я музыкант! И меня отвезли в Пятигорск, там на горе был госпиталь. Мне оказали там помощь. Через две недели отправили дальше, в Махачкалу, в Баку и, наконец, в Тбилиси. Через несколько дней ко мне приехала мать, а мы с ней много лет не виделись. Увидела лангет на мне, страшная повязка была...

Однажды утром в госпиталь пришла комиссия человек 14, все врачи. Один грузин подошел ко мне, молодой, симпатичный. Он говорит: «Вы знаете где хирургическое отделение? Так вот завтра в 11 утра у вас операция руки». Я с ним все обговорил, руку мне решили не отрезать, а прооперировать. Пуля там прошла, вена была пробита, я 40 процентов крови потерял...

А потом, когда я выздоровел в Тбилиси, у меня появилась идея. Поехать в Сухуми, взять свой инструмент, диплом и вернуться в Тбилиси в консерваторию. Я приехал туда, прошел прямо в кабинет к директору, я же солдат, на мне военная форма, шинель, все грязное... Оказалось, что у меня была очень удачная операция. Я боялся за пальцы, что они не будут работать, там же нервы и так далее... Директору сказал, что я фронтовик, прямо с фронта к ним приехал. Он меня спросил, что у меня есть, на чем я

играю. Я рассказал, что раньше играл на трубе, теперь на виолончели. Он меня отправил на третий этаж здания. Я поднялся, там в комнате меня встретила женщина, такая интеллигентная, образованная. Она меня засыпала вопросами: расскажите о себе и так далее... Оказалось, что она профессор по виолончели. Прекрасная женщина! И вот в 1944 году я поступил в Тбилисскую консерваторию.

Проучился в ней до 1946 года, потом у меня появилась желание – поехать к своей семье, на родину. Я же в Грузии, а я – армянин. Поеду я в Армению, там тоже есть консерватория. Я думал, что после окончания грузинской консерватории я останусь без работы. Хотели меня на курс ниже зачислить, но ректор консерватории, профессор, дирижер - известный Сараджев Константин Соломонович, он сказал, что я должен на третьем курсе учиться и меня взяли. И на пятом курсе я выдержал сильнейший конкурс. И закончил армянскую консерваторию с большим успехом. 41 год я был концертмейстером симфонического оркестра Армении. (второй человек в оркестре после дирижера, в оркестре человек 90 или больше). Я прошел по конкурсу. К тому времени мы с женой уже поженились, она была молоденькая, я тоже молодой.

Бывало, что на фронте один раз в четыре дня кушали. С самолета нам бросали селедку. Четверо суток мы голодные были, наша армия попала в окружение, немцы нас взяли в кольцо, поэтому еду подвозить не могли. Мы такую жизнь прошли, что это неопишимо...

Страшно ли было на фронте? А как вы думаете? На фронте ты попадаешь в такую ситуацию, из которой выйти невозможно. Там два варианта есть. Или вас убьют или вас может ранить, и вы вернетесь домой. Но с каким ранением, без ноги ли, без руки, может совсем изуродованный... То есть, каким вы вернетесь, неизвестно. Это Бог мне послал такое ранение, но только вот нельзя было музыканту руку простреливать... Восемь месяцев занимался терапией. Рука не открывалась, хотя ранение уже зажило, но пальцы не работали. Потом все один за другим заработали, в течение года я каждый день разрабатывал пальцы.

В 1952-м году я женился, хотел жениться только на армянке. И вот такую нашел, сейчас она уже пожилая, больная уже. Столько пережила, да и я тоже. Такую войну прошли, что раньше о такой и не сыхали. Больше не могу, лучше умереть, чем такую войну. Если ты 10 суток не спишь, шинель

мокрая, ни одной ниточки сухой нет. Голодные четверо суток, селедку ели, раз ничего больше подвезти не могли. Я не имел права жаловаться, потому что я пошел на фронт добровольно. По возрасту я мог бы еще год-два дома посидеть, но я из-за брата пошел на фронт.

Старший брат мой стал главврачом Крыма. Армен Тигранович. Недавно он умер. Две дочки у него – одна главврач в Симферополе, другая академик наук, приехала получить 40 тысяч долларов. Я приехал сюда на старости лет, на пенсии. Наш сын женился на вашей соотечественнице, и нас с мамой сюда привез.

Есть разные «патриоты», которые кричат : «Давайте воевать!» Не надо! Люди рождаются не для войны, а для того, чтобы счастливыми жить.

Наливали нам водки для смелости. Мы выпьем и идем в атаку, воевать. А это значит, что мы готовы и свою жизнь отдать и отнять их жизнь. Вот так... В 1941 году Гитлер напал, вся армия, все, что у них было, все бросили на нас! Столько у нас народу ушло. Уже и не считали мы людей...

Идешь воды попить, а воды нет, ни капли нет. Под Новороссийском идешь, везде лужи. К каждой можешь подойти попить, а там лежат погибшие... По ним черви, невозможно смореть. А ты подходишь с флягой своей, чтобы воды набрать. Кушать нечего, ничего нет. Как мы выжили, только мы и могли выжить. Ни одна другая нация не смогла бы выжить...

На фронте в один момент смотришь, а человек уже без ноги. Был солдат из Нагорного Карабаха, его взорвало так, что ничего не осталось... А тут были наши «Катюши», они спасли нас под Новороссийском. Немец на два километра выше - на горе находился, а мы внизу. Нам приказывают: захватить вот эту гору (высоту), а там они, вооруженные с ног до головы. Согнать их с горы, да это просто невозможно! До половины горы лезем, а они оттуда стреляют и убивают. Но надо подниматься и лезть, ведь приказ есть приказ! Самое страшное в жизни – это когда не выполняешь приказ... В армии это невозможно, я всегда выполнял данный мне приказ...

Интервью подготовлено учениками и учителями

Русской школы Грамота.

г. Монреаль, 2015 г.

